

Марина Капранова

Горше полыни мед

16+

Отвяжись, плохая жизнь

Марина Капранова
Горше полыни мед

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Капранова М.

Горше полыни мед / М. Капранова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Отвяжись, плохая жизнь)

Арина так мечтала отдохнуть в отпуске, насладиться уединением с любимым человеком, но мечтам не суждено было сбыться. Беспокойная команда петербуржцев, неожиданно-негаданно появившаяся в ее доме, разрушила все ее планы. Девушка Анна из далекого Санкт-Петербурга, в прямом смысле, свалившаяся с неба после крушения самолета, не давала ей спокойно жить. А тут еще загадочные отравления... Как с этими чужими проблемами, вдруг ставшими в одночасье ее, справиться?

Летней июльской жаркой ночью Арина проснулась от странного гула, который нарастал с каждой минутой, и казалось, что от неизвестного, тревожного, будоражащего округу звука закладывает уши. Миша, беспечно и беззаботно посапывая, крепко спал рядом, и посторонние звуки никак не влияли на его сладкий сон. Где-то совсем рядом раздался дикий, жуткий грохот, казалось, что земля содрогнулась в страшных конвульсиях и дом, словно игрушечный, подпрыгнул на месте. Арина от неожиданности трепетно и испуганно, но негромко вскрикнула, Миша беспокойно заворочался в постели, но тут же повернулся на другой бок и продолжил сон. Во дворе истошно и пронзительно завывали собаки, нагнетая паническую обстановку и усиливая человеческий страх. В ту же секунду еще большей мощности толчок сотряс землю. Дом, служивший всегда надежным укрытием, уже не казался неприступной крепостью: на потолке спальни закачалась люстра, в кухне в шкафу, тревожно переговариваясь, зазвенела посуда. Арина села на кровати, подтянула колени к подбородку, съежилась, напоминая нахохлившегося, оробевшего воробья, мысленно перебирая версии навалившегося на нее кошмара.

«Судя по всему, жильё готово развалиться, словно картонный домик», – подумала она. Перед глазами уже рисовалась до безумия дикая картина безнадежно складывающихся стен, словно картонных, прихлопнувших все живое и утварь потолком квартиры.

Миша тревожно заворочался, перекатываясь с бока на бок, но вскоре наконец-то окончательно проснулся и непонимающим сонным взглядом уставился на Арину. Собаки отчего-то на мгновение замолчали, как бы прислушиваясь, от их молчания становилось еще страшнее, но тут же, словно по мановению палочки умелого дирижера, завывали и залаяли с новым напором.

– Что происходит? – обеспокоенно поинтересовался Миша, разглядывая сидевшую на кровати, объятую трепетом Арину. Она еще сильнее поджала ноги к подбородку и нервно покачивалась взад и вперед.

– Ой, Миша, я не знаю, но такое ощущение, что землетрясение началось, – пояснила Арина, обрадовавшись пробуждению Миши. Немного осмелев, она легко спрыгнула с кровати и осторожно, на цыпочках, словно боясь спугнуть кого-то невидимого, подошла к окну. В окнах соседних домов беспорядочно загорался свет, кто-то уже выскочил на улицу и громко переговаривался, стараясь перекричать собачий лай, обсуждая ночное происшествие.

– Ну, Арина, ты хватанула! Какое землетрясение может быть у нас в Сибири? – спросил Миша, по-молодецки выпрыгнул из постели и стал торопливо одеваться, собираясь выйти на улицу и уточнить, что же все-таки произошло.

– Миша, не уходи, а то мне страшно, – заканючила Арина, по-детски сморщив личико и оттопырив нижнюю губу.

– Я туда и обратно. Если боишься оставаться дома одна, пойдем со мной, – предложил он, уже находясь у входной двери.

– Нет, я тебя дома подожду, – Арине совсем не хотелось покидать помещение. Толчки больше не повторялись, и она чувствовала себя дома пока в полной безопасности. Девушка приоткрыла окно, чтобы втянуть в дом немного ночной прохлады. Через образовавшееся пространство тут же повеяло холодной, тяжелой свежестью и запахло дождем. Где-то вдалеке, перебраниваясь, слышались раскаты грома, на темном небе тонкой змейкой пробежала молния, и в ту же секунду показалось, что с неба сошел сам Зевс, щедро раскидывая гром и молнии. Резко пошел дождь, с силой барабана по оконным стеклам, по крыше дома, зашуршал зеленой листвой, путаясь в ветвях деревьев и играючи пузырясь, уходил в землю. Потoki воды, полившиеся словно из продырявленного вмиг неба, с силой стучали по карнизу, брызги стали проникать через приоткрытое окно, усеивая мелкими каплями пол.

– Черт, – выругалась Арина, почувствовав холодные капли на босых ногах. Она быстро захлопнула оконную раму и, поежившись, поторопилась вернуться в постель.

Миша, промокший до нитки от проливного дождя, быстро заскочил в дом. Со слипшихся волосами на голове он напоминал мокрую мышь, с его одежды небольшими ручейками стекала вода, образуя на полу бесформенные лужицы.

– Ох и прорвало. Дождичка-то надо. Хорошо, – бурчал довольно он, стягивая с себя прилипшие к телу футболку и штаны, нисколько не расстроившись, что угодил под потоки воды.

– Ну и что там произошло? – Арина изнывала от любопытства, столько страха натерпелась, не дай бог что-то непоправимое случилось.

– Да никто ничего не знает, все выскочили друг у друга спросить, что стряслось. Короче, никакой информации, утром узнаем, – Миша, оставшись без одежды, вдруг затрясся от холода, вроде и под дождем недолго был, а как вошел в дом, его сразу стал бить озноб и зуб на зуб перестал попадать. Он быстро юркнул в кровать под одеяло и вскоре, пригревшись, спокойно засопел. Арина всегда удивлялась способности Миши засыпать в одну секунду. Казалось, что только коснулся головой подушки, и тут же мерно начинал дышать. Пробуждался он не так быстро, как, например, засыпал. Но все же, стоило ему только открыть глаза, он сразу спускал ноги с кровати и находился в абсолютно бодром состоянии духа.

Арине же не спалось, она никак не могла удобно улечься в постели, события минувшего дня чередой неслись в голове: вчера позвонила жизнерадостная Нюра и пригласила Арину отдохнуть денек на пасеке своего свекра. Виктору Александровичу срочно нужно уехать в центральную районную больницу. Мужчина в жизни никогда горлом не маялся, по выражению подруги, а тут среди лета приключилась ангина, да еще с высокой температурой, и он попросил Константина, мужа Нюры, присмотреть за пасекой. Костику не хотелось скучать одному за селом, в обществе ульев с пчелами, и он собирался прихватить с собой Нюру. Ну а Нюра подтащила к этому мероприятию подругу, которая давно мечтала побывать на настоящей пасеке.

– Ариша, бери с собой Мишу, отдохнем вдалеке от посторонних глаз, развеемся, – предложила гостеприимно Нюра, которой не хотелось весь день провести в одиночестве. Она прекрасно понимала, что Косте на пасеке будет совсем не до нее. Начало июля, пчелы роятся, и с ними в этот период времени очень хлопотно. Надо уследить, чтобы рой, вылетевший из улья, не исчез в неизвестном направлении.

Но Миша, услышав от Арины предложение отдохнуть, сразу отказался от приглашения, сообщив, что у него неотложные дела и он сможет освободиться только к вечеру. И вот теперь, слушая, как мерно стучит дождь за окном, Арина переживала, что поездку придется отложить. Она долго ворочалась с бока на бок и не заметила, как уснула. Утром ее разбудил телефонный звонок.

– Аришка, ты уже собралась? – бодрый голос Нюры моментально прогнал сон девушки. – Мы минут через пятнадцать за тобой заедем.

Арина быстро выскочила из кровати и выглянула в окно, признаков ночного дождя на улице совсем не осталось, высоко в небе светило яркое солнце. Миши рядом не было, она даже не услышала, когда он ушел. Девушка накинула на постель покрывало, заметалась по комнате и ровно через пятнадцать минут уже сидела на заднем сиденье автомобиля, шутливо перекидываясь репликами с Нюрой. Неторопливо обсудили ночное происшествие, к большому изумлению Арины оказалось, что Нюра с Костиком спали богатырским сном и абсолютно ничего не слышали, чему девушка искренне удивилась.

– Ну вы даете, так трясло, что я думала, дом просто на части развалится.

– Может, твой дом и развалился бы, – парировала Нюра, довольная, что ничего сверхъестественного не произошло из того, что заставило бы Арину отказаться от поездки на пасеку, – а наш дом новый, крепкий, сами ставили, на совесть. Вот он даже и не шелохнулся.

Костя молча слушал рассуждения жены и про себя искренне радовался и улыбался, ему всегда нравилось, как Нюра самозабвенно, вздохнув защищает свою семью и все, что с ней связано.

Пасека находилась в километрах десяти от села Боровиково, в уютном, спокойном, удобном месте среди деревьев и нетронутых человеческой ногой трав. Автомобиль не спеша двигался по проселочной дороге, бескрайние поля разнотравья после дождя налились сочным цветом и радовали глаз, красавицы-березки выглядели свежо и нарядно. Казалось, что даже у бабочек, потревоженных ревом машины, пестрые крылышки после дождя стали ярче и праздничней. Неожиданно легковой автомобиль стали догонять военные КАМАЗы цвета хаки, грозно ревя и пугая все живое непривычным, неприятным для уха звуком. Костику пришлось прижаться к обочине дороги, три тяжело груженных автомобиля, не сбавляя скорости, проследовали дальше. Нюра отчего-то забеспокоилась и поинтересовалась у мужа:

– Костя, что это? Куда они поехали?

– Не знаю, – задумчиво произнес Константин, сам не понимая, почему здесь практически в чистом поле появилась военная техника, но все же решил успокоить жену: – может, учения у них какие, – и недовольно добавил: – носит их нелегкая, своим гулом только пчел нам расстрожат, – а у самого неприятно и беспокойно засосало под ложечкой. «Уж не связано ли это как-то с ночными толчками, о которых рассказала Арина?»

Вскоре машина свернула с основной дороги и, подпрыгивая на незаметных в траве кочках, остановилась возле небольшого деревянного домика, его и домиком-то было назвать сложно, так времянка, наспех сколоченная из горбыля, крыша которого была покрыта рубероидом. Неподалеку от дома стоял грубо сколоченный стол с двумя противоположными деревянными лавочками, на столбе висел алюминиевый умывальник. Нюра, шумно вылезая из машины, тащила за собой груженную продуктами сумку, словно собиралась здесь не один день провести, а целую неделю. Она хозяйским взглядом окинула пасеку, вольготно вздохнула всей грудью и довольно произнесла:

– Ну, вот наконец-то приехали, зря свекор переживал. На первый взгляд все в порядке. Сейчас чайник поставим и чаевничать будем.

Не заходя в дом, Костя приступил к делу, уверенным движением снял белый халат, висевший на столбе, на гвоздике, и сразу же отправился к ульям – решил проверить, как пережили ночное происшествие пчелы.

Арина вылезла из машины и лениво потянулась, запрокидывая голову вверх и довольно подставляя лицо яркому солнышку. Уже с самого утра было понятно, что день будет солнечный и жаркий. Отовсюду слышалось стрекотание кузнечиков, в воздухе, ненавязчиво свистя крылышками, кружили стрекозы, где-то вдалеке настойчиво долго куковала кукушка, терпкий запах разнотравья кружил голову.

– Нюра, красота-то ка – ка – я. Боже мой, сто лет на природе не была, – Арина бросила взгляд под ноги и пробормотала, – по-моему, клубника уже начинает спеть, – она наклонилась, сорвала крупную ягоду и положила ее в рот, зажмурилась от удовольствия и неповторимого вкуса полевой ягоды.

– М-м-м, сладкая какая.

Она решила пройти немного вперед, чтобы убедиться, что ягоды достаточно и если повезет, то можно будет не только в свежем виде поесть вдоволь, но и набрать немного и даже сварить баночку джема. Двигаясь вперед, Арина срывала с ягодных кустиков только крупные спелые ягоды и с наслаждением поедала их. Неожиданно ее боковое зрение уловило какую-то возню в траве, и она явно услышала тихий стон. Арина настороженно прислушалась и быстро осмотрелась, она довольно-таки далеко отошла от пасеки и вдруг в нескольких шагах от себя зацепилась взглядом за шевелившуюся траву.

«Кто там может быть? Наверное, зверек небольшой тоже ягодами лакомится или кроты подземные ходы роют, вон, сколько земляных кучек кругом», – решила успокоить она себя. Но неожиданное беспокойство, помимо воли Арины, надежно закрадывалось в душу.

Любопытство взяло верх, и девушка потихоньку двинулась на звук, не доходя шагов пять до интересующего ее места, она наткнулась взглядом на девушку лет двадцати пяти, которая была неестественно бледна, лежала с закрытыми глазами и изредка постанывала. Арине хватило одного взгляда, чтобы понять, что незнакомка не из сельской местности, а если горожанка, то непростая смертная, совсем непростая. Светлые джинсы и светло-голубого цвета блузка были изрядно грязными, но Арина сразу оценила прикид девушки, вещи, скорее всего, были эксклюзивными, и она нисколько не удивилась бы, если бы узнала, что эти вещи выполнены в единственном экземпляре и изготовлены знаменитым дизайнером собственноручно. Такие вещи доступны узкому кругу людей – олигархам, звездам шоу-бизнеса, политикам. Ухоженные, можно даже сказать, холеные руки, кожа на тонких, длинных пальцах девушки казалась прозрачной, что еще раз подтвердили догадку Арины, что незнакомка довольно обеспеченная, ее ультрамодный стеклянный маникюр на ногтях играл на солнце бликами. Длинные светлые волосы немного прикрывали лицо девушки и спутанными прядями раскинулись по земле.

«Да, красивой быть не запретишь! – подумала с признаком легкой зависти Арина и тут же спохватилась. – О, боже, о чем я думаю, отвяжись, плохая жизнь... Ей помощь нужна, а я ее разглядываю словно музейный экспонат».

Арина еще раз огляделась, не заметив больше ничего подозрительного, она подошла поближе, наклонилась над девушкой и легонько тронула ее за плечо.

– Э-э-э, тебе плохо?

Девушка судорожно пошевелилась, с трудом разлепила глаза, поморщилась, словно от зубной боли, застонала и почти прошептала пухлыми, потрескавшимися губами:

– Пить... Помогите...

– До воды еще добраться надо. Ты подняться самостоятельно сможешь или тебе помочь? – Арина вдруг поняла, что девушке все, даже совсем незначительные движения даются с большим трудом, что, вероятнее всего, у нее случилось несчастье. Она суетливо склонилась над незнакомкой и отметила, что парфюм у нее дорогой, а вот ресницы, пушистые и густые, свои.

«С такими ресницами тушь для глаз не нужна, – опять пробежала мысль глупая, совершенно не к месту и не вовремя, – да что это сегодня со мной?» – обозлилась на себя Арина, раньше она не замечала в себе явных признаков чувства зависти.

Незнакомка словно вздрогнула всем телом, тяжело вздохнула и с усилием стала отрывать голову от земли. Арина хотела подхватить незнакомку за левую руку, но девушка болезненно громко вскрикнула, откуда только силы взялись, и прошептала:

– Я, возможно, руку сломала.

– Придется тебе немного потерпеть, надо же с земли подняться.

Обессиленная пострадавшая собрала силу в кулак, изловчилась и встала на коленки, уперлась в землю правой рукой, издала протяжный вопль, с помощью Арины сумела принять вертикальное положение, и девушки неспешно отправились в сторону пасеки.

«Боже, в какое несчастье она попала и как ее сюда занесло? – лихорадочно соображала Арина, передвигаясь с незнакомкой черепашным шагом. – По-моему, ей сейчас нужна помощь профессионального медика».

Быстро справившись с делами по хозяйству в доме пасечника, Нюра поспешила к Арине, но, заметив, что подруга возвращается не одна, остановилась, приставила руку домиком к глазам, стараясь прикрыться от яркого солнца, режущего глаза, и разглядеть, кого Арина уже

успела найти себе в попутчики. Но, заметив бедственное положение гостьи, тут же поспешила на помощь.

Только вошли в дом, Анна, именно так звали необычную, неизвестно откуда взявшуюся находку девушек, обессиленно села на топчан и, дрожащими руками приняв от Арины кружку с водой, жадно попила.

Нюра с нескрываемым любопытством разглядывала девушку, подождала, когда незнакомка утолит жажду, и спокойно полюбопытствовала:

– Ты откуда здесь взялась? Горожанка, что ли? Или приехала в гости к кому? Своих я всех в округе знаю, а тебя впервые вижу.

Анна болезненно поморщилась, пристраивая удобнее левую руку, вопросы, адресованные девушке, оставались без ответа, словно Нюра обращалась совсем не к ней. Она пока не готова была морально да и физически беседовать и что-то объяснять. Ее больше всего беспокоила собственная рука, незнакомка осторожно попробовала пошевелить изящными, тонкими, элегантными пальчиками, не сводя с них тревожного взгляда, но они двигались свободно и безболезненно, и девушка облегченно вздохнула.

В помещение шумно вошел Костя, громко хлопнув хлипкой дверью, бросил быстрый взгляд без лишнего любопытства в сторону неожиданной гостьи, снял с себя белый халат, повесил его на гвоздик у двери и уже с интересом посмотрел на девушку.

– Здравствуйте, – просто произнесла Анна, немного смущаясь, отводя глаза в сторону и даже краснея. Она осознавала, в каком ужасном состоянии сейчас находится. А тут молодой человек, по всей видимости, чей-то муж, но это совершенно не важно, он все равно мужчина.

Нюра перехватила смущенный, сконфуженный взгляд девушки, и у нее в груди пробежал неприятный холодок ревности.

«Ох, и фифа, сама еле живая сидит, а туда же, глазки строить», – неприязненно подумала она о девушке. Но, заметив в поведении мужа спокойное безразличие, немного успокоилась и, забыв о приличии, пристально и напряженно разглядывала гостью, которая спутала все ее планы на выходной день. А ведь как прекрасно все начиналось, она сегодня планировала вдоволь посплетничать с дорогой подругой. А тут эта...

Костик наконец-то примостился за стол у небольшого оконца и в тон девушке, несколько не смущаясь от затянувшейся паузы, вежливо ответил:

– Здравствуйте.

Непроизвольно поймав настойчивый взгляд Нюры, Анна расценила его как навязчивое подталкивание к беседе и, понимая, что отмолчаться ну никак не удастся, как ей не хотелось сейчас что-либо объяснять, она все же заговорила:

– Не поверите, – спокойно начала повествовать Анна, – но я к вам с неба свалилась.

Непроизвольно громко хмыкнув, Костик шумно поднялся из-за стола, налил в кружку из термоса привезенного с собой чая и вернулся обратно. Он не воспринимал слова гостьи всерьез, это же надо такую чушь придумать, и, решив, что девушка и дальше будет нести всякий вздор, видно, травма на ее сознание таким образом повлияла, взял со стола пульт и включил небольшой переносной телевизор, стоявший на самодельной полочке почти под самым потолком. Три пары любопытных глаз девушек молча наблюдали за действиями Константина, словно он именно в эту минуту делал что-то важное и нужное. А мужчину, казалось, вообще не интересовало, что творится вокруг него, он, отхлебывая горячий чай из кружки, внимательно стал смотреть и слушать телевизор, где показывали Новообские новости.

Арина тоже не поверила в признание, услышанное от незнакомки, посчитав, что та, наверное, сильно ударила головой или получила солнечный удар, вон сегодня погода какая жаркая с самого утра. Да и вид девушки кричал, что ей, по крайней мере, в данную минуту нужен полноценный отдых и здоровый, крепкий сон, чтобы восстановить силы. И, видя, что

Анна притормозила с повествованием, она спокойно подтолкнула девушку к беседе, совершенно не надеясь на полноценные объяснения.

– Конечно, нам в это трудно поверить, но, может, ты нам подробно расскажешь, что случилось на самом деле.

– Хорошо, сейчас все по порядку изложу, – опять поморщилась Анна, стараясь пристроить свою левую руку комфортно на топчане, и добавила, – может, у вас есть хоть какое-нибудь обезболивающее средство, плечо очень уж сильно болит, а порой вообще нестерпимо, особенно когда руку потревожу.

Не переставая отхлебывать чай, Костя внимательно наблюдал за действиями девушки, стоило ей только выговориться, он оставил бодрящий напиток в покое, степенно поднялся из-за стола и подошел к пострадавшей.

– Ты позволишь осмотреть твое плечо?

– А вы что врач? – спросила Анна, сквасив небрежно пухлые губки, и недоверчиво посмотрела на мужчину с совсем неинтеллигентной внешностью и рабочими руками.

Нюра поймала пренебрежительный взгляд девушки, который отразился на ее лице помимо ее воли, ей стало обидно за мужа, она решила за Костю заступиться и пояснила Анне:

– Ты не переживай. У меня Костя мастер спорта. И не думай, что если люди в селе живут, то ничего, кроме как хвосты коровам крутить, не умеют. Он и сейчас активно занимается спортом и часто выезжает на соревнования в район и даже в область. А на соревнованиях травмы – обычное дело, он и руку себе ломал, и два ребра, и не раз помогал другим спортсменам, когда у тех травмы случались, так что опыт «общения» с различными переломами и вывихами у него есть. И оказать первую помощь он в силах.

Анна молча посмотрела на терпеливо стоящего возле нее мужчину, немного смущаясь, расстегнула несколько мелких пуговичек на блузке и, густо краснея, приспустила ее с плеча.

Сосредоточившись, Костя со знанием дела осматривал припухшее и покрасневшее плечо пострадавшей. Анна отвернулась от мужчины и вдруг, казалось, совсем невпопад поинтересовалась у девушек.

– И еще один вопрос: вы не в курсе, Дениса, мужа моего не нашли? – у девушки увлажнились глаза. В это время Костя пошевелил руку Анны, и она, подпрыгнув на топчане, издала громкий вопль: – Что ты делаешь? Это же невыносимо.

На лице Кости не дрогнул ни один мускул, и он со знанием дела ответил:

– Одно могу сказать точно: перелома нет. Вывих. Но руку надо бы вправить, и чем быстрее, тем лучше. Если позволишь, я могу тобой заняться.

– Но это же, наверное, надо делать опытному врачу? – Анна взглядом словно призывала девушек в советчицы, которые должны были ее поддержать, но, не найдя во взглядах должного сочувствия, как ей показалось, у безразличных особ, добавила: – Послушайте, я пианистка и хочу вам заметить, что неплохая пианистка, поэтому к рукам мне необходимо относиться очень бережно. Музыка – это весь смысл моей жизни и моя профессия.

И, вскинув миловидный подбородок вверх, она демонстративно перевела взгляд на телевизор, где диктор, молодая особа с тщательно уложенными волосами и ярко нарисованными широкими бровями, с экрана беспристрастным голосом спокойно и ровно вещала:

– И к трагической новости, произошедшей минувшей ночью: «Гольфстрим», самый большой самолет в классе деловой авиации, потерпел крушение через 10 минут 15 секунд после вылета из аэропорта Новообска в Санкт-Петербург.

Анна вдруг всем телом напряглась, задрожала, затрепетала, подалась вперед и громко, командным голосом, потребовала:

– Сделайте громче. Быстрее.

Нюра беспрекословно прибавила звук, и все взгляды устремились в телевизор.

– На борту самолета находилось два пассажира и четыре члена экипажа, – продолжала вещать диктор, – предположительно, самолет разбился в десяти километрах от села Боровиково Орловского района Новообской области. Шансов выжить у членов экипажа и пассажиров не было. Как ранее сообщалось, «Гольфстрим» пропал с экранов радаров после вылета из Новообска в Санкт-Петербург. Связь с экипажем установить не удалось.

Обломки разбившегося самолета обнаружены с воздуха, они разбросаны на очень большой территории. Правда, обращает внимание на себя одна особенность: самолет словно начал разваливаться еще в воздухе или прямо на подлете к земле, куски фюзеляжа и тела лежат по траектории полета самолета. В настоящее время не обнаружено тело только Анны Храмовой, жены Дениса Храмова. Сам Денис Храмов погиб, он был сыном Храмова Егора Петровича, российского миллиардера и основателя магазинов «Десяточка» и «Ералаш».

Следователи рассматривают все версии крушения самолета – это теракт на борту, плохие погодные условия, человеческий фактор (ошибка пилотов), технический сбой (отказ множества систем) и экстремальное термическое воздействие (сильный пожар на борту).

При отсутствии пожара на месте крушения и небольшой скорости и высоте полета перед катастрофой «черные ящики» будет очень легко найти, и они будут максимально быстро расшифрованы...

– Так вот куда направлялись военные КАМАЗы – к месту разбившегося самолета, – спокойно произнес Константин, не отрывая глаз от голубого экрана. Девушки словно по команде устремили свои взгляды на мужчину. А он, не обращая ни на кого внимания, подумал: «И эти странные ночные толчки, о которых говорила Арина, которые сотрясали Боровиково, скорее всего, от падения кусков разбившегося самолета».

Анна постепенно приходила в себя, она тихонько заплакала, как-то самозабвенно, натурально, без надрыва, капля за каплей выплескивая слезами всю горечь от потери любимого человека и от жалости к себе. Ее никто не успокаивал, да и какие слова утешения могут помочь человеку в минуту осознания того, что беззаботное, счастливое прошлое уже не вернется никогда. Вскоре тихое всхлипывание Анны стало перерастать в тяжелый, режущий уши вопль.

– Аня, пожалей себя, не надо так убиваться, – первой прервала немое молчание Нюра, которой было невыносимо видеть страдания девушки. Она на миг представила, что вот таким образом, не приведи, Господи, конечно, когда-нибудь могла потерять своего родного, любимого Костика, и у нее сердце зашло от жалости к себе.

– Может, тебе успокоительное накапать? – предложила сочувственно Арина.

– Рука... Рука болит... Сил моих нет, – продолжая стонать, пояснила, изнывая, Анна, покачиваясь из стороны в сторону.

Костик тут же правильно отреагировал и предложил:

– Так что, будем вправлять? В больницу в районный центр я тебя не смогу доставить, у меня в баке в машине бензина столько нет... Есть другой вариант, продлевающий твои мучения, сиди жди, пока за тобой приедут.

– Не могу терпеть, сделайте что-нибудь, – выла самозабвенно девушка, согласная в данную минуту на что угодно, лишь бы прекратить эту изматывающую боль.

– Нюра, неси из машины мою походную аптечку, – обратился к жене Костя, а сам неторопливо, со знанием дела отправился на улицу мыть руки.

Вернулся Костя с полотенцем в руках, Нюра сбегала к машине довольно-таки быстро, раскрыла аптечку, которая, скорее всего, напоминала медицинский походный чемоданчик и бросила:

– Что приготовить?

– Нам нужна анестезия, давай шприц с новокаином, – скомандовал вернувшийся вместе с Нюрой Костя.

Анна вытаращила испуганные, мокрые от слез глаза:

– Господи, вы еще и укол мне ставить сами собираетесь?

Но никто не обратил на нее внимания, ее вопрос повис без ответа. Арина села у стола на место, где недавно сидел Костик, и смотрела на супругов с восхищением, думая:

«Надо же, они словно в операционной, спокойно и ровно готовятся к операции».

– Анна, пересаживайся на стул, – скомандовал Костя голосом, не терпящим возражения, – вот молодец, поверни голову к здоровому плечу, – Костя нашел пальцами какую-то одному ему известную точку под нижним краем ключицы, принял у Нюры шприц и в эту точку ввел раствор новокаина. Анна болезненно поморщилась, закусив нижнюю губу, побагровела от напряжения, глаза ее увлажнились от боли, но она не проронила ни звука.

– Молодец, – приободрил Костя девушку, – теперь ждем минут пять, пока не наступит анестезия, а после приступим к вправлению вывиха любым методом, – добавил мужчина, скорее всего, для того, чтобы отвлечь Анну от волнительных мыслей, и продолжил спокойно и ровно пояснять: – существует несколько способов вправления вывиха, но мы воспользуемся способом Мухина-Мота, – и, подмигнув девушке, весело произнес: – не переживай, все будет сделано лучшим образом, ты сразу получишь облегчение... Ну что, приступим! – скомандовал себе мужчина, потирая руки.

Костя через лопатку девушки со стороны поврежденного сустава привязал полотенце к спине, перекинул его через подмышку. Затем он согнул руку девушки в локте и поднял ее в сторону до уровня плеч. В этой позиции он аккуратно стал потягивать руку по оси плеча, одновременно слегка потряхивая и вращая ее из стороны в сторону, словно прислушиваясь. Арина с Нюрой как замороженные, затаив дыхание, наблюдали за профессиональными действиями мужчины. Что-то негромко щелкнуло, Анна громко болезненно вскрикнула, и в помещении повисла тишина.

– Замечательно, – констатировал Константин, – теперь не бойся, но все же осторожно попробуй пошевелить рукой.

Девушка недоверчиво посмотрела на своего спасителя и с опаской перевела взгляд на свою руку, воспоминания о нестерпимой боли были еще свежи в памяти. Ей до конца не верилось, что самое страшное уже позади.

– Ну же, смелее, – подталкивал Костя Анну к действию. Она легонько приподняла руку и улыбнулась.

– Да, могу спокойно двигать рукой, почти не больно, немного, правда, ноет плечо.

– А что ты хотела? Это же серьезная травма, – пояснил Костя, – после вправления вывиха боль уменьшится, но полностью утихнет только через два, а то и четыре месяца. Причем, я тебе скажу так, болевое ощущение будет уменьшаться постепенно, медленно сходя на нет. Так что надо ждать, ну и, самое главное, беречься, плечо ныть еще долго будет.

Девушки облегченно вздохнули, вроде все получилось как надо.

– Ой, слушайте, а что же нам делать? – первой спохватилась Нюра, собирая вытасщенные из аптечки медикаменты и складывая их аккуратно назад в том порядке, в котором ее научил муж, – Анну же все ищут, с ног, наверное, сбились, а она здесь сидит, цела и невредима. Надо как-то дать знать родным хоть, что ли. Ну, чтобы не волновались.

У Анны опять увлажнились глаза, и она совсем по-детски шмыгнула носом и тыльной стороной ладони вытерла выступившие слезы.

Арина как можно мягче поинтересовалась у Анны.

– Ты номер мобильного телефона кого-нибудь из родных помнишь?

Анна усилила свои всхлипы и, задрожав всем телом, тихо заплакала, между частым шмыганьем носом короткими фразами с трудом произносила:

– Некому звонить... Мама моя умерла... Денис погиб... Свекор в частной клинике в Германии лечится... Остается Даниил, сводный брат Дениса... Но он меня ненавидит, и номер его телефона я наизусть не знаю. И номер тети Эльвиры... Господи, я забыла.

– Вот незадача, – в сердцах бросила Нюра и повышенным тоном обратилась к Косте. – ну, ты же у меня умный, придумай что-нибудь.

Константин укоризненно посмотрел на жену, вот всегда она так, может испортить настроение в самый неподходящий момент. И не найдя что ей возразить или посоветовать, молча вышел из дома. Нюра непонимающе пожала плечами, как-то по-бабски всплеснула руками, звонко защелкнула крышку аптечки и шумно села на стул. Арина внимательно посмотрела на девушку и спокойно произнесла

– Не волнуйся, все решаемо. Сейчас вот только позвоню одному очень хорошему человеку, и он обязательно что-нибудь придумает.

Нюра, лукаво прищурив глаза, вопросительно посмотрела на подругу.

– Я имела в виду Антона Сергеевича, – пояснила Арина, отвечая на немой вопрос Нюры и доставая из сумочки мобильный телефон.

Нюра окинула взглядом свалившийся с неба «подарок», ей внезапно стало отчего-то очень жаль Аню, такую хрупкую, беззащитную и одинокую. Она поднялась из-за стола и, растягивая слова, словно разговаривала с маленьким ребенком, предложила Анне.

– Давай мы с тобой умоемся, а то ты такая грязная вся от пыли. Я тебя покормлю, а потом ты нам все по порядку расскажешь о том, что с тобой случилось.

Арина по телефону вкратце поведала Антону Сергеевичу об Анне, и он, разузнав, где находится пасека, сообщил, что в течение часа подбежит, попросил больше ничего пока не предпринимать и никому не звонить.

В шумной редакции Орловской газеты, в тесном кабинете главного редактора Юрия Шустрикова, молоджавого мужчины пятидесяти лет от роду, круглолицего, темноволосого, чуть выше среднего роста, в меру упитанного, проходила утренняя летучка. В кабинете собрались девять редакторов отделов, начиная от отдела происшествий и заканчивая отделом фотокорреспондентов. На летучке не было только Вадима Орликова, но к его постоянному отсутствию абсолютно все привыкли. Он возглавлял отдел новостей, который с уверенностью можно назвать самым главным отделом газеты, отвечающим за «горячие» новости. Вадим являлся еще и заместителем главреда. Был он везунчиком по жизни, у него присутствовало настоящее чутье на «горячие происшествия», на месте он практически не находился, любил повторять, что волка ноги кормят, и ему за его талант многое прощалось. Было Вадиму тридцать пять лет, он был женат, имел дочку пятиклассницу, носил очки с толстыми линзами, был высок, худощав и внешне совсем непривлекателен. Но это до тех пор, пока человек не начинал с ним беседовать, в тембре его голоса, заразительности, с которой он мог увлечь беседой, было что-то магическое, и люди невольно ему доверяли и попадали под его чары. Вот и сейчас он влетел в кабинет главреда словно ураган и, быстро извинившись за опоздание, схватил со стола пульт и включил телевизор, где диктор по телевизору спокойным и ровным голосом вещал:

– И к трагической новости, произошедшей минувшей ночью: «Гольфстрим», самый большой самолет в классе деловой авиации, потерпел крушение через 10 минут 15 секунд после вылета из аэропорта Новообска в Санкт-Петербург...

Репортаж присутствующие посмотрели молча, и, как только диктор произнес последнюю фразу, Вадим выключил телевизор и победно осмотрел коллег по цеху. Редакторы отделов шумно стали обсуждать репортаж. Вадим уперся руками в стол Шустрикова и спокойно и уверенно, не терпящим возражения голосом сказал:

– Юрий Ефремович, из проверенного источника мне стало известно, где приблизительно сейчас находится потерпевшая, но оставшаяся в живых Анна Храмова. Нужно бы ваше официальное подтверждение на однодневную командировку.

– Вадим, а от меня-то ты что хочешь? – неизвестно отчего стал заводиться Юрий. – Если у тебя источник проверенный, будет тебе командировка. Бери, как обычно, фотокорра Юлю и вперед.

– Но вы же можете позвонить вашему другу или приятелю, кто он вам там.

– Вадим, ты не зарывайся, – угрожающе предупредил Юрий Ефремович.

– Извините, конечно, погорячился, – и уже мягче продолжил: – но, понимаете, надо как-то связаться со следователем Антоном Сергеевичем, я думаю, он точно в курсе последних событий, может, он точный адресок подскажет, где эта Храмова сейчас находится, – не унижался Вадим, которому хотелось найти короткий путь к сенсации, – сами знаете, как дорого время в такой ситуации, не хочется драгоценные минуты на поиски тратить.

Юрий Ефремович пристально посмотрел на своего зама, в душе понимая, что тот абсолютно прав, сдался и потянулся за мобильным телефоном.

– Здорово, Антон. Как сам? Как служба?

– Здравствуй, Юра. Все ничего. Ну, я думаю, ты не о моих делах справиться позвонил.

Не так ли?

– Да... Ничего от тебя не скроешь.

– Ну, тогда давай ближе к делу, а то я тороплюсь.

– Меня интересует некая особа. Вернее, место ее нахождения.

– Да, понял я тебя, Юра. Но данной информации у меня пока нет.

– Антон, ну как же так?

– Я сказал, пока нет, но, думаю, приблизительно через полчаса будет, и я сброшу тебе координаты.

– Хорошо, спасибо. Я твой должник, – и, не откладывая в сторону телефон, обратился к Орликову:

– Ну что, Вадим, быстро не получается, надо подождать... В любом случае, я думаю, ты будешь первым, – констатировал уверенно главред, повертел в руках мобильник и за ненужностью отложил его в сторону.

Нюра быстро сварганила нехитрый перекус, и Анна с аппетитом съела три бутерброда с колбасой и сыром, выпила кружку горячего чая вприкуску с медом и, отвалившись на спинку стула, тяжело произнесла:

– Давно я так плотно не ела, сейчас, наверное, лопну. Везет же людям, которые во время стресса ничего не могут есть, а у меня все наоборот, словно во мне просыпается ненасытный зверь, я готова есть все, что находится под рукой.

Арина с Нюрой переглянулись и задорно рассмеялись, эта хрупкая девушка, словно фарфоровая статуэтка, совсем была не похожа на прожорливого зверя.

В дом зашел взъерошенный и довольный Костя.

– Чуть пчелиный рой не упустил, ох и получил бы я тогда от отца, – шаловливо хмыкнул он, – выхожу, а рой на ветке березы сидит, мне просто повезло, что он вдаль не улетел и не очень высоко приземлился.

– Да уж, – улыбнулась Нюра, – если бы вовремя не поймал, Виктор Александрович долго бы тебе его припоминал и плешь ел, это точно.

Костя, оглядевшись, не нашел свободного стула, сел на топчан, на котором недавно сидела Анна, критически оглядел девушку и живо поинтересовался:

– Как плечо?

Анна неопределенно сквасила губки и пожала одним правым плечом, стараясь левое держать в покое. Весь вид ее кричал, что она здесь оказалась случайно. Еще немного, и ее заберут и вернут в привычную обстановку, правда, там уже не будет Дениса, и это ужасно. «Господи, ну почему это не сон?» Аня еще раз огляделась, и ее поразила убогость этой избушки, она думала, что такое можно увидеть только в кино, где такое жилище, хоть и временное, это только декорация и больше ничего. А оказывается, здесь еще можно найти вполне живых и адекватных людей.

– Ну и зачем вас с мужем из Питера в Новообск понесло? – без обиняков, со свойственной ему прямолинейностью спросил Костя.

– Понимаете, у меня недавно был день рождения, значит, по гороскопу я рак. Я обожаю воду и все, что с ней связано, а у вас в Новообске новый аквапарк открыли, вот Денис и сделал мне подарок. Мы полетели на самолете Егора Петровича на денек отдохнуть и развлечься в вашем аквапарке.

Костя присвистнул и взъерошил свои волосы.

– Вот это да, личный самолет, да еще «Гольфстрим».

– Странное название у самолета, – хмыкнула Нюра.

– Ничего странного, – ответил Костя, – страна-производитель данного самолета – США, вот отсюда и название.

– Ну, ты, конечно, молодец. Ох, и объяснил. Где тут связь, я вообще не понимаю. Само слово Гольфстрим что-то же оно обозначает? – не унималась Нюра.

Арина с улыбкой наблюдала незлобивую перепалку Нюры с Костей. Она вообще считала, что супругам повезло друг с другом, они такие разные по характеру, но именно в этом и была изюминка, которая разнообразила их семейную жизнь. Они так гармонично дополняли друг друга, что даже у совершенно постороннего человека вызывали умиление. И все же Арина решила вмешаться.

– Гольфстрим – это теплое морское течение в Атлантическом океане, – монотонно стала объяснять Арина, словно находилась на уроке в школе, – в узком смысле Гольфстримом называют течение вдоль восточного побережья Северной Америки от Флоридского пролива до Ньюфаундлендской банки. Ну а в широком смысле Гольфстримом часто называют систему теплых течений в северной части Атлантического океана от Флориды до Скандинавского полуострова, Шпицбергена, Баренцева моря и Северного Ледовитого океана.

Нюра молча выслушала словоизлияния подруги, хмыкнула и с долей иронии критически произнесла:

– Аринка, ты порой такая умная, аж противно.

А Костя, оставаясь на своей практической волне, продолжал:

– Да цена этого частного самолета составляет, наверное, сто миллионов долларов. Живут же люди и могут себе позволить такое, – как-то спокойно проговорил он, в его словах совсем не чувствовалась черная зависть.

– Не сто, а пятьдесят девять миллионов, – спокойно поправила Аня мужчину и тут же добавила: – да, но Егору Петровичу часто приходится летать на важные встречи. . . И он, кстати, никогда не задерживался, ведь «Гольфстрим» – один из самых быстрых самолетов в своем классе, – пояснила Аня со знанием дела. Она вся напряглась, словно защищалась, и терпеливо объясняла о необходимости самолета, весь вид ее словно кричал, что вот никак нельзя без самолета в личном хозяйстве, – я должна заметить, – продолжала она, – что самолет не имеет изысков, там нет излишеств в виде золотых пряжек на ремнях или нескольких гостиных, его главное достоинство – скорость.

Арине не по душе был этот неловкий разговор о дорогостоящем самолете, и она непридуманно решила сменить тему беседы.

– Аня, насколько я знаю, в Питере есть аквапарк и, если не ошибаюсь, то даже не один.

– О, да, – сразу оживилась и расслабилась Анна, забыв обо всех своих бедах и страданиях, словно подготовленный и опытный экскурсовод, она ответила:

– Всего в городе на Неве находится четыре заведения, специально предназначенных для активного водного отдыха: аквапарк «Питерлэнд», аквапарк «Вотервилль», аквапарк «Родео драйв», аква-клуб «Вода». Ну, это самые крупные, про менее масштабные я уже не говорю.

– Тогда зачем было куда-то мчаться, раз под носом есть столько прекрасных развлечений? – скептически заметил Константин, который всегда отличался практичностью. Нюре,

чтобы убедить мужа, например, в покупке крупной вещи в дом, всегда требовались несколько качеств: дипломатия, ораторские способности, стойкая убежденность, практичность и целесообразность данного приобретения. Только тогда можно было рассчитывать на успех.

– Вот сразу видно, что вы не любитель водных аттракционов, – заметила Анна, – но вы правы, аквапарки Питера – лучшие аквапарки в стране! Поэтому любители водных аттракционов круглый год посещают их с целью получения адреналина и массы положительных эмоций!

– Ну, дает, – хмыкнул Костя, – это мы-то не любители водных процедур? Да у нас летом на реке Обь купайся сколько хочешь, загорай до облезания, и денег не надо платить, можно и на лодке прокатиться или на катере, можно с парома все красоты нашей местности разглядеть, а любители экстрима на водных лыжах рассекают.

– Нет, вы абсолютно не понимаете разницы, – раззадорилась Аня и даже покраснелась, – В аквапарке можно прокатиться на разнообразных горках всех форм и любых траекторий спуска, поплавать в бассейнах на любой вкус, джакузи, посетить сауны, бильярд, провести всевозможные водные процедуры и спа. Но хочется и новых разнообразных ощущений, поэтому люди и выезжают в другие города и даже страны.

– Вот вы и получили новые ощущения, мало не показалось, – Костя соскочил от волнения с топчана и заходил из угла в угол по тесному помещению, ему было непонятно желание людей, летящих за чем-то в далекие дали, когда точно такое же, а может быть, еще и лучше находится под носом.

– Костя, зачем ты так? – резко одернула мужа Нюра. Ладно дома он с ней, родной женой, вступал в перепалку. А тут чужая городская девушка, подумает, что и правда в Сибири по улицам медведи ходят и мужики неотесанные живут. Что слаще морковки ничего в жизни не ели, поэтому и не могут понять другой жизни и других интересов.

К дому подъехала машина, спасающая ситуацию и не давшая разгореться неприятному разговору. Костя безнадежно махнул рукой в сторону девушек и, коротко бросив: – Да ну вас, – быстро вышел. Вскоре он вернулся в дом вместе с озабоченным районным следователем Антоном Сергеевичем.

– Всем добрый день, – следователь уверенно прошел к столу, положил на него свою неизменную кожаную коричневую папку и устало сел на стул, – да, сегодня жарит не на шутку, – произнес он неторопливо, вытирая вспотевший лоб носовым платком, – а это значит и есть наша перелетная птица, – перевел Антон Сергеевич взгляд на Анну, – ты прямо-таки в рубашке родилась, прилететь с такой высоты и отделаться только небольшими ссадинами и вывихом руки... Чудеса.

– А уже известно, что с самолетом нашим случилось? – Анна с надеждой посмотрела на следователя.

– Да, известно. «Гольфстрим» попал в обширную грозовую область, получил удар молнией, вошел в зону турбулентности и начал разрушаться в воздухе на высоте пять тысяч триста метров. Уже и обломок самолета, на котором ты прилетела, нашли, его размер-то всего три на четыре, в свободном полете ты находилась восемь минут. И как тебя ветром не снесло?

Костя присвистнул и почесал затылок, а Анна спокойно, словно о чем-то само собой разумеющемся, пояснила:

– Так я сидела пристегнутая в кресле и дремала, что произошло, то есть сам момент крушения, я не помню, очнулась только тогда, когда уже летела на обломке. Говорите всего восемь минут? Мне показалось, что я летела целую вечность, потом удар, и я ничего не помню. Когда очнулась, почувствовала, что адски болит рука, я отстегнулась и пошла куда глаза глядят, ну а потом меня вот Арина нашла, большое ей спасибо.

– Ну, хорошо, что все хорошо закончилось. Поехали в Боровиково, за тобой из Питера уже целая свита вылетела, будем дожидаться их в селе, успеешь пока отдохнуть, себя и свою одежду в порядок привести, – распорядился Антон Сергеевич, поднимаясь из-за стола и

направляясь к выходу, – да, а куда же мне тебя пока определить? – приостановился следователь и внимательно и требовательно посмотрел на Арину.

– Можно ко мне, – спокойно предложила Арина.

– Ну, Аришка, ты что, меня бросаешь? Мы же собирались вместе отдохнуть, – канючила Нюра, которой совсем не хотелось оставаться на пасеке. Она понимала, что Костя будет торчать у ульев, а ей придется до вечера слоняться по пасеке одной.

– В другой раз отдохнем. Действительно, надо помочь Ане привести себя в порядок, – спокойно ответила Арина, направляясь к выходу.

К дому Арины добрались, когда день перевалил за полдень, следователь отправился в сельсовет, ему необходимо было встретиться с участковым, а Анна, прихватив зеленый халатик в белые ромашки и розовое банное полотенце, выданные ей Ариной, сразу засобиралась принять душ. Душевая кабина Арины была сколочена из досок, на крыше стояла огромная бочка с водой, в жаркие дни вода от солнечного тепла нагревалась и была словно парное молоко.

– Аня, давай я пока твои вещи в стирку заброшу, вон какая жарница, за пару часов все высохнет на улице.

– Ой, выбрось блузку, она потеряла всякий вид и после стирки, я думаю, будет еще хуже, – небрежно бросила Анна, готовясь выйти из дома.

– Нет, что ты, надо постирать, не в моем же халате ты полетишь домой, и джинсы заодно постираю, – предложила Арина, рассматривая грязные джинсы девушки.

– Нет, – почти взвизгнула Анна, выдергивая джинсы из рук Арины и прижимая их к груди, но тут же, наткнувшись на недоуменный взгляд хозяйки дома, пояснила, – извини, я их лучше в химчистку отдам, мне их Денис покупал, и они мне очень дороги, – и Аня, скомкав, понесла штаны в комнату, но вернулась практически сразу же все с теми же джинсами в руках, – знаешь, я подумала, ты права, надо постирать, а то домой не в чем ехать.

Тщательно и бережно перестирыв вещи Анны, Арина развешивала их на бельевой веревке, когда к дому подъехала целая вереница автомобилей.

«Да, – подумала Арина, – долго еще повышенный интерес к Анне будет, пережить такой стресс не каждому под силу, а она молодец, бодрячком держится».

Анна неторопливо вышла из дома, после принятия душа и небольшого отдыха выглядела она посвежевшей, села на лавочку возле дома, вытянула блаженно ноги и, откинув голову, подставила румяное личико солнцу.

В калитку один за другим вошли седовласый подтянутый мужчина, выше среднего роста, с фигурой, в которой чувствовалась военная выправка, было ему примерно пятьдесят с хвостиком – давний близкий друг семьи Храмовых, Дмитрий Владимирович Головин. За ним следовал мужчина мусульманской внешности около 35 лет от роду, высокий, короткостриженный, голубоглазый, израненное осколками лицо с ровным загаром не портило его красоту, а даже придавало ему суровую мужественность. Это был телохранитель, помощник, водитель и, если хотите, даже друг Головина – Умар. За Умаром шел молодой мужчина лет тридцати, темноволосый, модно подстриженный, высокий, худощавый, в светлых летних брюках и светлой рубашке, сводный брат Дениса Даниил. За ним неспешно, элегантно, легко передвигаясь, словно плыла светловолосая женщина, с уложенными в аккуратную прическу волосами. На вид ей было лет около сорока, слегка полноватая фигура не портила ее статью, в руках она держала медицинский чемоданчик, это была личный врач семьи Храмовых – Полина Витальевна. И уже за ней следовал Антон Сергеевич, а замыкал шествие Миша.

Анна неторопливо поднялась с лавочки и, выждав, когда приезжие подойдут поближе, коротко поприветствовала мужчину военного.

– Здравствуйте, Дмитрий Владимирович.

Мужчина критическим взглядом оглядел девушку, бережно обнял ее за плечи и сбивчиво от охвативших его переживаний заговорил.

– Здравствуй, Аннушка, жива... Надо же какая трагическая случайность... Эта гроза. Мы за тобой... Да... Бедный, бедный Дениска... Сегодня позвонил Егору, он там с ума сходит, собирается возвращаться... Н-да, кабы ему хуже не было, с его то сердечными проблемами.

Умар сразу, словно зная свое место, отошел в сторонку, сомкнул руки за спиной и, поставив ноги на ширину плеч, стал цепким взглядом изучать обстановку двора Арины.

– Даня, как я рада тебя видеть, – Аня только высвободилась из объятий Дмитрия Владимировича, сразу подошла к молодому мужчине и сама обняла его, тот немного смутился, покраснел, он, по всему было видно, не ожидал проявлений такой нежности от девушки. А потом, видно, рассудил, что это на нее так стресс подействовал, успокоился и осторожно ответил на объятия Анны.

Полина Витальевна сразу по-деловому, четко чеканя каждое слово, тоном, не терпящим возражений, обратилась к Анне:

– Добрый день, Анна Аркадьевна, как вы себя чувствуете? Мне бы осмотреть ваше плечо, – и вопрошающе посмотрела на Арину.

– Проходите в дом, там вам будет удобно, – посоветовала хозяйка дома и обратилась к гостям, – может, желает кто чай, сок, резкий квас есть собственного приготовления.

Миша живо посоветовал:

– Неси все, кто что пожелает, тот то и попьет.

Даниил пристраивался в тенечек, прячась от палящего солнца, и с интересом наблюдал за происходящим. Хотя, по всему было видно, что вся эта ситуация ему совсем не по нутру. Да, ему, конечно, любопытно посмотреть, как люди живут в Сибири, но надолго здесь задерживаться совсем не хотелось. Если бы не настоятельная просьба Егора Петровича поддержать своим присутствием Аню, он бы предпочел дожидаться ее возвращения дома. Дениска жалко, хотя они и не очень ладили, но он был парень умный и рассудительный, но а то что между ними возникали трения, так в какой семье их не бывает. «Вот надо же судьба какая», – думал неспешно Даниил. Дениска предлагал ему тоже с ними в Новообск полететь. Даниил даже согласился, но потом на профессиональной ниве произошли непредвиденные обстоятельства, и ему пришлось остаться дома. Он даже расстроился, что не смог полететь, а тут вон как получилось. «Нет, не судьба, видно, мне помереть пока. Еще рановато думать о смерти. Я молод, красив, успешен. Планов, как говорится, громадье...», – молодой мужчина мысленно осекся. – Господи, как хорошо, что никто не умеет читать мысли, – Даниил исподтишка оглядел присутствующих, – не о том я сейчас думаю, совсем не о том», – но траурного настроения совсем не было, наоборот, хотелось чего-то такого прямо эх. Но такая несносная духота. Даниил изнывал от жары, он и не предполагал, что в далекой Сибири может быть так жутко жарко, прямо как на юге. Он поискал глазами Арину и попросил:

– Если можно э-э-э, – и прямолинейно посмотрел на хозяйку дома.

– Арина, – спокойно ответила она, не отводя глаз и не смущаясь.

– Да, Арина, я бы зеленого чая выпил, без сахара.

– Да, конечно, без проблем. Миша, помоги мне, – попросила Арина, направляясь в дом.

Вскоре на столе стояли два стеклянных кувшина, переместившиеся из холодильника, один с квасом, другой с соком. На солнце емкости стали быстро нагреваться и отпотевать, образуя на поверхности прозрачные капельки воды. Миша принес чайник и вазочку на ножке со свежим медом, который прямо всучила подруге Нюра, когда та уезжала с пасеки. Арина на подносе вынесла стаканы с ярким рисунком, черный и зеленый чай, вазочку с конфетами и банку с растворимым кофе.

– Подходите, пожалуйста, к столу, – доброжелательно предложила она, убирая со стола пустой поднос.

Из дома неспешно вышли с порозовевшим лицом Анна с врачом. Полина Витальевна быстро переглянулась с седовласым военным, который лениво разговаривал со следователем, и спокойно кивнула головой.

– Ну что же, – приободрившись, произнес военный, – жажду утолим, и в обратный путь, задерживаться нам время не позволяет.

Все неторопливо потянулись к столу, каждый уже определился, что он собирается пить: военный налил себе квас, врач с Анной предпочли сок, Даниил, пододвигая к себе стакан с зеленым чаем, потянулся за конфеткой, но, заметив мед, передумал и взял розетку, чтобы положить себе сладость. Арина приветливо улыбнулась, тут же поддержала его порыв:

– Правильно. Угощайтесь. Вы попробуйте наш мед, не пожалеете. Свежий, только сегодня с пасеки привезли, вы такого душистого нектара в жизни не ели.

Даниил внимательно посмотрел на Арину, взял ложечку и положил мед в рот, медленно рассосал его, почему-то поморщился и торопливо запил чаем.

– А вы что же не подходите? – Арина вопросительно посмотрела на мужчину-телохранителя Головина. Но он словно не расслышал ее, даже не удостоил взглядом, ни один мускул не дрогнул на его лице, он продолжал стоять на своем месте, словно изваяние.

– Оставьте, Арина. Это бесполезно, – мягко порекомендовал Дмитрий Владимирович, – вы не обижайтесь, но у Умара правило, он никогда ничего не ест и не пьет с чужого стола, как бы сильно его не мучили жажда или голод, он не изменяет своему принципу.

Антон Сергеевич стоял и мысленно размышлял: то ли чай попить, то ли уже последовать примеру военного и квасок попробовать. Дмитрий Владимирович залпом выпил стакан кваса, крикнул и блаженно произнес.

– Вкусен. Ядреный квасок у тебя хозяйка получился. Ну-ка, я, однако, еще стаканчик выпью. Попробуйте, рекомендую, хорошая вещь, – посоветовал он следователю, наливая себе повторно полный стакан кваса.

Даниил вдруг схватился за грудь, тяжело задышал, задрожал всем телом, повалился на землю, его лицо приобрело синюшную окраску, и на нем отразилась «сардоническая улыбка», его тело стало изгибаться в неестественных судорогах.

Умар отреагировал на неестественное поведение Даниила раньше всех, в один легкий, виртуозный прыжок он оказался возле Даниила, внимательно заглянул ему в лицо и громко констатировал:

– Его отравили, – и с беспристрастным видом вернулся на свое место, его лицо приняло каменный, безразличный вид, словно происходящее вокруг его больше абсолютно не интересовало.

Присутствующие сразу притихли, замерли и с ужасом в глазах наблюдали за Даниилом, первой опомнилась и прервала молчание Арина:

– Господи! Что это? Отвяжись, плохая жизнь...

Все медленно, как по команде перевели непонимающие взгляды на Арину, и вдруг жаркий воздух разрезал командный голос Дмитрия Владимировича:

– Поля, ты что застыла? Сделай же что-нибудь!

У Даниила прекратившиеся было судороги повторились вновь. Врач поспешила к больному и присела возле него, постаралась придать почти безжизненному телу удобное положение и непослушными пальцами стала расстегивать ворот его рубашки, Даниил неожиданно совсем затих и не подавал признаков жизни. Полина Витальевна дрожащими пальцами приподняла его руку, старалась нащупать пульс, но все тщетно, пульс не прослушивался. Она вернула безжизненную руку мужчины на место, медленно поднялась с колен и, не поднимая головы, тихо произнесла:

– Все кончено, он мертв. Умар прав... Это, по всей видимости, отравление.

– Ты ошибаешься, – нервно и возбужденно возмущился Дмитрий Владимирович, – дай ему что-нибудь... Укол наконец-то какой-нибудь поставь, – и, видя, что врач продолжала стоять, не шелохнувшись, запустив пятерню в короткие волосы, с силой провел рукой по голове, словно стряхивая свалившуюся на его голову еще одну беду, со злостью в голосе почти закричал: – сделай же что-нибудь, дура!

Анна стояла с неестественно бледным лицом, к налитому в стакан соку девушка еще не успела прикоснуться. Она вдруг почувствовала неимоверную слабость во всем теле, пальцы разжались сами собой, и она выпустила стакан с соком из рук, он глухо упал и стукнулся о землю, обрызгивая ноги девушки желтыми сладкими капельками. У Ани совсем исчезла сила в ногах, она медленно стала оседать и вскоре уже лежала на земле.

– О, боже, что же это? – выдохнула Арина, не понимая, что происходит. Она поверить не могла, что все эти чрезвычайно дикие и ужасные по своей сути события творятся у нее во дворе. От волнения у нее забегали черные мурашки перед глазами, и из груди предательски стал подниматься к горлу спазм, разрезая пищевод адской болью, которая не давала свободно дышать. Миша, стоявший рядом, вовремя суетливо, но заботливо и бережно поддержал пошатнувшуюся Арину и помог присесть ей в тень на лавочку.

– Ты что, дорогая? Что происходит? – озирался Миша по сторонам в поисках врача. Но Полина Витальевна была занята, она уже склонилась над Анной и уверенной рукой водила у нее перед носом тампоном с нашатырным спиртом.

Дмитрий Владимирович наконец-то вернул стакан с квасом на стол, так и не притронувшись к нему, и плохо действующими от волнения губами обратился к следователю, который только что перестал разговаривать по мобильному телефону:

– Это что тут у вас? Массовое отравление?

– Разберемся, – ответил беспристрастным тоном Антон Сергеевич, пока не зная, как реагировать на происходящее, и отправился к постепенно приходившей в себя Анне, – ну, и как она? – спросил он ровным голосом у врача.

– Обморок, – коротко бросила Полина Витальевна, даже не посмотрев в сторону следователя, и добавила: – такое бывает в критические минуты волнения.

– Это меня... Они меня хотели отравить, – Анна окончательно пришла в себя, не поднимаясь с земли, хватала за руки врача и, впадая в истеричное возбуждение, своими словами накручивала всеобщее паническое настроение, у которого и без того был высок градус волнения.

– Тише, тише, Анна Аркадьевна. Сейчас мы с вами успокоимся, и все будет хорошо, – высвобождая свои руки из цепких пальцев Анны, врач уверенными движениями готовила шприц с успокоительным. Когда наполненный шприц застыл в руках Полины с поднятой иглой вверх, она крикнула: – помогите мне кто-нибудь.

Дмитрий Владимирович первым сорвался с места и поспешил на помощь Полине Витальевне, вскоре умиротворенную, с безразличным взглядом Анну усадили рядом с Ариной на лавочку.

За суматохой, возбуждением и творившейся неразберихой не заметили, как к дому Арины подъехала еще одна машина. По тропинке неспешно шел журналист Вадим, за ним ковыляла стершая накануне новыми туфлями ногу фотокорр Юля. У нее в редакции было полно работы, но как только она услышала предложение Юрия Ефремовича взять Вадиму ее с собой, поняла, что намеченным планам сегодня не суждено сбыться. Но, с другой стороны, быть в гуще такого неординарного события, наверное, мечтает каждый фотокорр.

Вадим, как только зашел в калитку, профессиональным чутьем, выработавшимся с годами, сразу почувствовал, что по данному адресу во дворе происходит что-то из ряда вон выходящее. Он задорно подмигнул Юле и попросил:

– Будь начеку... Короче, не мне тебя учить.

Очутившись в самой гуще событий, Юля без предупреждения стала беспрестанно щелкать фотоаппаратом. Присутствующие, казалось, не замечали новых людей, Арине вообще показалось, что она все происходящее наблюдает как бы со стороны, словно смотрит криминальные новости по телевизору. Первым очнулся Дмитрий Владимирович, он закрутил головой, наконец-то понял, что попал под объектив фотоаппарата, а такая популярность ему была совсем без надобности, и он по-военному зычно возмутился:

– Что происходит? Кто разрешил? – и грозно направился в сторону Юли, весь его свирепый, яростный вид кричал, что сейчас он наведет порядок и лишит эту наглую девчонку фотоаппарата. Но путь ему преградил Вадим, ткнул в лицо возмутителю красные корочки, на которых красовалась надпись «Пресса».

– Ну и что? – не растерялся военный человек, стараясь выхватить противные корочки из рук Вадима. Но не на того нарвался, опытный корреспондент привык к таким многочисленным манипуляциям недовольных людей и виртуозно спрятал удостоверение в карман брюк. А Дмитрий Владимирович, взбесившись еще больше, напористо наступал на беспардонного корреспондента. – Что ты мне в лицо тычешь свою ксиву? Я тебе свои корочки могу показать. Будем тут регалиями мериться?

Вадим спокойно усмехнулся. Уж он-то по роду своей службы в газете всякого повидал: и матами крыли, и с кулаками кидались, а сколько угроз было, если все записывать, то на целую эпопею хватит. И он спокойным, ровным голосом пояснил:

– Мои корочки в отличие от ваших в сложившейся ситуации дают определенные привилегии. Поэтому я могу фотографировать, задавать неудобные вопросы где хочу и сколько хочу. Так что попрошу не мешать мне работать.

Антон Сергеевич уже хотел вмешаться, действительно, глядя на разъяренное лицо Дмитрия со стороны, можно было подумать, что он сейчас бросится на нагловатого мужчину с кулаками, но тот, как это ни странно, быстро эмоционально взорвался, но так же быстро и остыл.

– Ай, с вами спорить, что лбом орехи бить... – махнул рукой военный. – Делайте что хотите.

Дмитрий Владимирович переключил внимание на подошедшего следователя и стал засыпать его волнующими вопросами, касающимися своей судьбы и приехавших с ним людей:

– Что же нам теперь делать? Нам ехать пора, и как быть с Даниилом? Господи, как я об этом Егору скажу? – перевел он взгляд на лежащего на земле молодого мужчину, которого Миша уже успел накрыть белой простыней, и провел судорожно ладонью по своей голове.

– Ну, что я вам могу сказать, Дмитрий Владимирович? Вашего Даниила сейчас увезут в районный морг, тело до конца следствия останется у нас. И вас я хочу разочаровать: пока я не допрошу всех присутствующих, никто никуда не уедет, – твердо ответил Антон Сергеевич тоном, не терпящим возражения.

– Да я сейчас в Питер позвоню, всех на ноги подниму, и тебе придется нас отпустить, – начиная опять заводиться, возмутился военный.

– Ваше право, но вы же умный человек и понимаете, что должен быть соблюден процессуальный порядок, – настойчиво пояснил следователь, – и если с вами еще как-то можно будет решить проблему, если, конечно, у меня к вам не возникнет серьезных вопросов, то Анне точно придется задержаться. Хотя... Я очень сильно сомневаюсь, что мое вышестоящее начальство пойдет вам на уступки. Выполнение закона обязательно для всех без исключения.

– Каких еще вопросов? На что это вы намекаете? – напирал Дмитрий Владимирович, стараясь задавить своим авторитетом районного следователя.

– Но... Но... Не горячитесь... Давайте не будем играть словами и заниматься болтологией, будет лучше, если мы приступим к делу, – предложил Антон Сергеевич, не обращая внимания на тон гостя, – Арина, вы позволите у вас в доме проводить допрос или нам всем вместе в сельсовет отправиться? Но туда бы мне не хотелось перемещаться, незнакомые люди

вызовут излишнее любопытство и домыслы у сельчан. Всем известно, что люди, при определенных обстоятельствах, моментально впадают в паническое состояние, а при всеобщем психозе усмирить толпу крайне сложно. А нам сейчас лишние проблемы ни к чему.

– Как вам будет угодно. Можете разместиться в зале, – устало отозвалась Арина. Она и предположить не могла, что, приютив у себя Анну, она навлечет на себя массу проблем, которые к ней не должны иметь никакого отношения. И вот теперь, поди же, докажи, что ты ни в чем не виновата. «Господи, ну ничему меня жизнь не учит. Дура, дура, дура. Ох... Выть хочется. Отвяжись, плохая жизнь...», – корила себя девушка, но от этого легче не становилось.

– Вы сказали допрос? – не унимался Дмитрий Владимирович, до него дошел смысл слов, сказанных следователем. – Получается, что мы у вас все тут подозреваемые?

– Получается так. Ну и потом, я еще раз повторяю, нам надо соблюсти процессуальный порядок, который, надеюсь, поможет выяснить все обстоятельства данного уголовного дела, – пояснил Антон Сергеевич, пропуская военного в дом, – прошу вас, Дмитрий Владимирович, с вас и начнем.

Анне тоже пришлось нелегко, не успела она отойти от первых признаков шока, вызванного смертью Даниила, как на нее навалился со своими настойчивыми вопросами Вадим. Ух, и дотошный журналиста достался. Ему были важны такие мелочи, на которые Аня вообще не обращала внимания. Пришлось многое вытаскивать из самых глубоких уголков памяти, вспоминать, сопоставлять, анализировать. Она даже и предположить не могла, насколько действительно много помнит. Ей казалось, что ужасное падение с невероятной высоты напрочь отбило ей память. Ан нет... Помнила практически все... А потом заново по тому же сценарию все прогонять со следователем. Такого кошмара она в жизни не испытывала.

Вадим получил нужную для себя информацию, и довольный, а нужно отметить, что удовлетворен своей работой он бывал редко, вместе с Юлей поспешил вернуться в Орловское.

Допрос закончился, когда солнце полностью спряталось за горизонтом. Вечер не принес свежести в воздух, духота не давала расслабиться и отдохнуть изнеможенным за день человеческим телам. Приехавшая ранее скорая помощь забрала тело Даниила. Районный криминалист Вася, примчавшийся по первому зову следователя, собрал все, что было на столе, на экспертизу и тоже уехал.

Антон Сергеевич со свойственной ему профессиональной настойчивостью убедил задержаться до завтрашнего утра Дмитрия Владимировича с Умаром и Полину Витальевну, даже не пришлось прибегать к крайней мере, брать подписку о невыезде из села, и попросил Мишу их где-нибудь разместить. Дмитрий метал словесные гром и молнии, собрал всех чертей и богов, но вынужден был сдаться и остаться в селе.

Проводив последних гостей из дома, Арина с Аней почувствовали, что устали и абсолютно вымотались за день, надо было готовиться ко сну. Анна уперлась и никак не соглашалась ложиться спать одна в зале на диване, ей было страшно, она боялась, что кто-то неизвестный может покуситься на ее жизнь, поэтому Арина нехотя согласилась, что они лягут вместе в спальне, благо кровать была довольно-таки широкая. Девушки долго ворочались с бока на бок, от пережитого волнения мозг никак не хотел уходить на покой, и Арина, видя, что Анна тоже мучается бессонницей, попросила:

– Аня, расскажи о себе, о своей жизни в Петербурге.

– А что сильно рассказывать-то, жизнь как жизнь, – вздохнула Анна, но все же решила рассказать, – родилась я в Питере, жила с мамой в небольшой квартирке, моя мама Виолетта и ее старшая сестра Эльвира детдомовские, как они там оказались, об этом они не любили говорить и мне не рассказывали. Мама работала ревизором, поэтому часто уезжала на десятидневные и двухнедельные командировки в близлежащие небольшие города и крупные поселки, со мной оставалась тетя Эльвира. Мама и тетя не любили свои имена, не знаю, какая у них на это была причина, но когда я родилась, мама решила назвать меня просто Аня. Ни та, ни

другая замужем не были, я у них была одна на двоих, у тети к тому же не могло вообще быть детей. Когда я училась во втором классе, с мамой произошел несчастный случай, она развешивала на балконе белье, стоя на табуретке, видно, пошатнулась, вывалилась с балкона седьмого этажа и разбилась. Представляешь, такое горе испытать восьмилетней девочке?... Позже моим воспитанием полностью занималась тетя Эльвира. Я ей благодарна за то, что и после смерти мамы она дала мне возможность заниматься музыкой, оплачивала педагога, собирала в близлежащие города на концерты, все это стоит довольно-таки приличных денег. Так или иначе, но я поступила в Санкт-Петербургскую государственную консерваторию имени Н.А. Римского-Корсакова на факультет фортепиано. Когда я училась на втором курсе, тетя Эльвира мне вдруг сообщила, что выходит замуж и переезжает в Москву к мужу, для меня эта новость, конечно, была настоящим ударом, но я понимала, что и она имеет право на счастье...

Как-то лучшие студенты консерватории давали концерт в филармонии, знаешь, там есть такая программа из серии «Концерты во фраках и в джинсах»: первая часть концерта – спокойная классика, где я и принимала участие, а вторая – музыка из кино, кавер-версии и что-то подобное... Так вот, после концерта ко мне подошел высокий сухостой в очках с прыщеватым лицом и давай клеиться: комплиментами засыпать и все такое. Я его хотела вначале аккуратно отшить, но он оказался таким хорошим собеседником, что мы после концерта бродили с ним часа два по городу, даже не помню где, и никак не могли наговориться. Это и был мой Денис. Мы с ним стали встречаться в свободное время, которого у нас было очень мало, он тоже был студентом, только Санкт-Петербургского государственного технологического института и учился на инженерно-технологическом факультете, получал специальность «Техносферная безопасность». О, Господи, мне тогда казалось, что я никогда не запомню ни название его института, ни его специальность... Мы встречались так около полугода, затем он пригласил меня к себе в гости. Денис про свою семью практически ничего не рассказывал, только один раз обмолвился, что мама живет за границей и они живут вдвоем с отцом. Ну а я и не подозревала, что у них есть двухэтажный коттедж в городе Шлиссельбург, в сорока километрах от Санкт-Петербурга по Мурманскому шоссе, в Кировском районе. Просторный дом с бассейном и сауной рядом с озером. Представляешь, общая площадь коттеджа – двести пятьдесят квадратных метров. Просторная прихожая, гостиная-столовая с большим столом, камином, плазменной панелью, музыкальным центром и караоке, кухня со всей необходимой техникой, сауна и большая развлекательная комната с мягкими диванами... Как позже выяснилось, у них еще, кроме коттеджа, было два жилья в Питере: одно в Петроградском районе, это один из старейших питерских районов, элитный дом на Петровской набережной, и жилье, расположенное вдоль Каменноостровского проспекта.

Арина хорошо представляла, о чем говорила Анна, но не перебивала ее, живо представляя картинки города, в который ее почему-то всегда тянуло. У нее уже было несколько путеводителей по Петербургу, но с недавнего времени у Арины настольными были две книги: «Путеводитель по Петербургу. Увлекательные экскурсии по Северной столице. 34 маршрута» Андрея Гусарова и путеводитель, посвященный Северной столице, который составил Александр Друзь, магистр игры «Что? Где? Когда?» – «Петербург. Пешком по городу».

– Так вот, три года назад мы поженились, – спокойно и размеренно продолжала рассказывать Анна, – теперь я могла заниматься музыкой столько, сколько хотела. Все эти годы я готовилась к Наумбургскому конкурсу – это один из старейших и наиболее престижных ежегодных конкурсов исполнителей академической музыки в США. Учрежден он в 1928 году предпринимателем и меценатом Вальтером Наумбургом и проводится фондом, носящим его имя.

В 2008 году Наумбургский конкурс впервые был официально проведен в качестве международного, проходит он в Нью-Йорке. Представляешь, Арина, какой это масштаб? – стоило

Анне заговорить о конкурсе, как она сразу воодушевилась, даже привстала на локоточке правой руки, подперев голову ладошкой.

– Ну да, наверное, здорово, – промямлила вяло Арина, не разделяя воодушевления Анны.

– Ты прямо как мой Дениска, он тоже не до конца понимает всего масштаба... – Анна тут же осеклась и поправилась. – Не понимал, что значит для меня этот конкурс. Если я на него не попаду в этом году, то, может быть, не попаду уже никогда, – обреченно закончила Анна и вернула свою голову на подушку.

– Постой, ну ты же сказала что он ежегодный? Что тебе мешает поехать на него в следующем году? – недоумевала Арина.

– Ежегодный то ежегодный... Но, понимаешь, каждый год конкурс проводится для одной, выбранной заранее номинации – скрипачей, виолончелистов, дирижеров, духовых инструментов, пианистов и так далее... Так вот, в этом году конкурс проводится для пианистов... А тут еще моя рука, хорошо хоть пальцы не пострадали. Теперь поняла? – озабоченно осведомилась Анна.

– Поняла, – коротко ответила Арина и подумала:

«Вроде все у Анны прекрасно сложилось... но что-то есть в ее рассказе тоскливое, недосказанное, или, может быть, на нее повлияли так катастрофа и смерть мужа? И про Даниила она даже не обмолвилась, а ведь близкий родственник».

В зале глухо отозвалась форточка на стук соседской двери.

«Соседям тоже кому-то не спится», – туманно подумала Арина, наконец-то проваливаясь в сон без сновидений.

Утром, к своему немалому удивлению, Арина проснулась рано, солнце уже стояло довольно высоко и опять предвещало жаркий день. Арина сварила в турке свежий кофе, налила себе бодрящий ароматный напиток и с кофейной кружечкой вышла на улицу, размеренно прошлась по двору. Она отметила, что приходил Миша, из трубы ее бани поднимался прозрачный дымок.

«Миша баню с утра пораньше истопил, наверное, гости пожелали», – вяло подумала она и, заметив, что у забора от жары повяли лепестки у петунии, не допив кофе, поставила чашку на стол, набрала в лейку воды и щедро попоила цветы. За этим занятием ее и застал приехавший Антон Сергеевич.

– Ну как там твоя гостя? Истериками тебя ночью не изводила? – шутливо поинтересовался следователь.

– А должна была? – в тон ему ответила Арина, возвращая на место лейку, и предложила: – Кофе будете?

– Да нет, – не меняя шутливого тона, ответил мужчина, – у тебя, понимаешь ли, опасно принимать пищу.

Арина обиженно поджала губки, всем своим видом показывая, что шутка неуместная и к ней абсолютно никакого отношения не имеет. Она взяла свою кофейную чашку и неторопливо села за стол, стала смаковать почти остывший кофе маленькими глоточками. На крыльцо дома вышла Аня, немного взъерошенная после сна, вольготно потянулась и, увидев Арину, обрадовалась.

– А я тебя потеряла, думаю, куда ты с утра пораньше исчезла? – и тут же, наткнувшись взглядом на следователя, кивнула приветственно головой и коротко бросила: – Здравсте.

– Здравствуйте, это хорошо, что вы обе здесь. Скажите-ка мне, милые дамы, что вы знаете о таком сильном яде, как стрихнин?

Анна пожалала плечиками, ей, казалось, название этого яда совершенно ни о чем не говорило. Арина же на мгновение замерла, медленно поставила чашку на стол и произнесла:

– Древность какая-то.

– Почему древность? – искренне удивился Антон Сергеевич.

– Ну, о стрихнине я читала в книгах Агаты Кристи и Джека Лондона, так они когда еще жили и творили.

– Н-да, хотел бы я на тебя посмотреть лет этак через двадцать или тридцать, – произнес следователь, с иронией посматривая на Арину.

– Зачем?

– Чтобы услышать от тебя речи про древность, к которой ты с легкостью отнесла великих писателей, не столь уж древних. Ну, а теперь к реальности. Криминалист Василий практически не спал всю ночь и выдал следующее заключение: в изъятых с твоего стола продуктах стрихнин имеется только в вазочке с медом, да в такой пропорции, что им лошадь можно было убить, а не то что вашего Даниила. Ведь его смертельная доза даже меньше, чем у знаменитого цианистого калия, но действует он намного медленнее, – задумчиво произнес следователь. Перед его глазами всплыла картинка: мучающийся в беспорядочных конвульсиях Даниил.

– О, боже, отвяжись, плохая жизнь... А в банке с медом тоже яд имеется?

– В том-то и дело, что нет. Банку с медом я тебе назад привез, она у меня в машине, в ней мед отличного качества. Отсюда вывод, кто-то преднамеренно отравил мед в вазочке.

Анна с каждым словом следователя становилась все бледнее и бледнее, наконец, выдавила из себя:

– Это они меня хотели отравить, – промямлила девушка и села за стол рядом с Ариной.

– Кто они? И с чего такое умозаключение? – живо любопытствовал следователь.

– Не знаю, – пожала плечами Аня. – Но кто-то же отравил мед!

– После вчерашнего допроса мне стало ясно, что это мог сделать кто угодно, каждый, кто присутствовал здесь, хотя бы раз заглянул в дом, а вазочка с медом стояла на видном месте, на кухонном столе.

– А Умар разве тоже в дом заходил? Мне казалось, что он за все время даже не сдвинулся с места.

– В том-то и дело, что заходил. Он же не выпускает из поля зрения своего хозяина, куда он, туда и верный «друг», – последнее слово следователь произнес с долей иронии в голосе.

«Да, точнее верный пес, а не друг. И внешность его очень подозрительная», – подумала Арина.

– Так что, Анна, я думаю, что абсолютно никто сегодня не сможет уехать домой, – констатировал Антон Сергеевич.

– И кто же это нам сможет помешать? – громко спросил Дмитрий Владимирович.

Следователь с девушками так были заняты разговором, что не заметили прихода военного с Умаром и Полины Витальевны.

– Расследование помешает, – ответил твердо Антон Сергеевич, направляясь навстречу к утренним гостям и крепко пожимая руку Дмитрию Владимировичу.

– Голубчик, ты быстрее выявляй убийцу и нас отпусти, мы точно тебе заявляем, к этому преступлению не имеем никакого отношения, – горячо заверил военный следователя.

Возле дома Арины затормозила машина, оставляя за собой шлейф пыли, все притихли и устремили свои взгляды на калитку.

«Утро начинается беспокойно», – подумала Арина, наблюдая, как по узкой тропинке шла высокая худая женщина, лет сорока пяти, несмотря на жару, на ней было черное платье с короткими рукавами, черные туфли на слишком высоком каблуке и траурная ажурная косынка на голове. За ней по пятам плелся мужчина, тяжело дыша, он был ниже женщины на полголовы, лет пятидесяти, с пивным выпирающим животиком, с большими залысинами на голове и с выцветшими, по всей видимости, когда-то голубыми глазами.

Женщина окинула всех печальными карими глазами и, увидев знакомое лицо друга семьи Храмовых, как-то театрально и неуклюже раскрыла объятья и направилась к военному.

– Дима, да что же это такое, мой сынок... Мой Денис... Дима, ты мне позвонил... И я так спешила, – причитала женщина, выдавливая из себя слезы, но глаза оставались сухими.

– Ну, будет, будет, Валя. Убиваться не надо, Дениса не вернешь, себя побереги, – похлопывая женщину по спине, военный старался успокоить ее.

Полина Витальевна, стоявшая немного в стороне, смерила убийственным взглядом приезжую женщину, которая так бесцеремонно прилипла к военному. Она лично не была знакома с бывшей женой Храмова, но много о ней слышала нелестного, но, как бы то ни было, нужно отметить, что Егор Петрович даже не выбросил ее фотографии. Они бережно хранились в отдельном небольшом фотоальбоме, на них супруги Храмовы были такими счастливыми. Для себя Полина сделала вывод, что тот период времени, когда он был рядом с Валентиной, для Егора Петровича был дорогим. Несмотря на прямолинейность и твердость характера, Храмов был сентиментальным человеком.

Валя отстранилась от Димы, подтянула за руку топтавшегося рядом мужчину и представила его:

– Мой Франц, правда, он ничего не понимает по-русски и говорить по-русски тоже не умеет.

Франц, словно болванчик, махал блестящей на солнце головой с вспотевшими затылками. По всему было видно, что обстановка ему не по душе, он чувствовал себя словно не в своей тарелке.

– Валя, а ты что же, выучила немецкий? – искренне удивился Дима.

– Н-да-а-а, – неопределенно промычала Валя, кокетливо повела плечиком и суетливо забегала глазками, достала из сумочки, висевшей у нее на руке, солнцезащитные очки и нацепила их на глаза. Она оглянулась и, направившись в сторону Арины, запричитала:

– Аня, дочка, что же это?

Дима за ее спиной громко крикнул, Валя быстро оглянулась, увидела глаза мужчины, скошенные в сторону совершенно другой девушки, и, поменяв траекторию, направилась в иную сторону, к Анне.

Антон Сергеевич тихо подошел со спины к Дмитрию Владимировичу и полюбопытствовал:

– А ведь на самом деле интересно, как они общаются? Она по-немецки ни бум-бум, он по-русски ни бельмеса не смыслит.

Дмитрий хмыкнул и вполголоса ответил:

– Да он такой же немец, как я француз.

По тому, как Франц быстро отреагировал взглядом на слова Димы, мужчинам стало понятно, что он хорошо их понял.

Лицо стоявшего неподалеку Умара впервые за все время передернулось в легкой ухмылке.

Валя вдруг поискала глазами Арину и, наткнувшись на ее взгляд, приспустила на нос солнцезащитные очки и поманила всеми пальцами правой руки ее к себе. Арина пожалала плечами, такая манера общения ей совсем не нравилась, но она все же откликнулась на зов и подошла к женщинам.

– Понимаете, нам с Аннушкой надо поговорить тет-а-тет, разговор довольно-таки приватный, не могли бы вы устроить все таким образом, чтобы нам никто не мешал.

– В чем проблема? Заходите в дом и беседуйте, – предложила Арина и, повернувшись к гостям, поинтересовалась: – баню кто заказывал?

Дмитрий Владимирович, потирая руки, довольно произнес:

– Деревенская банька это хорошо. А березовый веник есть? Так попариться хочется. Все эти сауны и городские бани – это не то, нет в них, как говорится, банного духа с дымком, от которого сводит дыхание и продирает легкие.

– Найдем, – уверенно ответила Арина. Она направилась к соседям, зная, что лесник Андрей Ильич большой любитель париться и березовые веники у него уж точно припасены. Но через забор, разделяющий ее с соседями, она увидела коллегу и сына лесника, физрука Игоря, и обратилась к нему.

– Игорь, тут такое дело, у меня гости в баньку собрались, а...

– Не продолжай, я все слышал, сейчас принесу.

Умар, услышав, что хозяин собирается в баню, еще раз окинул внимательным взглядом присутствующих и, не заметив ничего подозрительного, твердым шагом отправился обследовать внутреннее убранство бани.

Войдя в дом, Валентина с Анной расположились в зале. Мать Дениса, вытирая платочком сухие глаза, долго мялась, видно, не знала, с чего начать разговор, наконец, сосредоточившись, вполголоса начала беседу:

– Я приехала похоронить сына и... Забрать свое, но оно находится в настоящий момент у тебя, и ты должна понять, что эта вещь по праву принадлежит мне. И, конечно, вернуть ее.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – искренне удивилась девушка, готовая в данную минуту услышать что угодно, только не это. Она думала, что мать Дениса будет расспрашивать о сыне, ведь они так давно не виделись. А речь пошла совсем о другом, о какой-то вещи.

Полина Витальевна потихоньку зашла в дом, ей нужны были банные полотенца, за которыми ее попросила сходить Арина, полотенца лежали аккуратно сложенные на тумбочке в кухне. Она, собрав в охапку белье, уже собиралась выйти, но услышала резковатый голос Вали и, прислушиваясь, остановилась. Вдруг Анне понадобится посторонняя помощь.

– Я говорю о браслете «Пантера» герцогини Уоллис Симпсон... – твердо проговорила Валентина

– Но позвольте, – перебила несостоявшуюся свекровь Анна, – Егор Петрович подарил мне «Пантеру», когда узнал, что я беременна, они с Денисом так мечтали о мальчике и о детском смехе в доме.

– А ты, деточка, беременна? – в голосе женщины проскользнула усмешка и даже издевка.

– Какое это имеет сейчас значение?

Под ногами врачихи предательски скрипнула половица, в комнате резко стихли голоса, Полина Витальевна на цыпочках выскользнула на улицу. Ей совсем не хотелось помешать тяжелому разговору женщин. Что он являлся именно тяжелым и, может, даже неприятным, она поняла по интонациям женщин. Но, к большому удивлению той же Полины, минут через пять обе женщины вышли из дома, при этом Валентина бережно прижимала к себе Анну за плечики и всем видом показывала, что они сумели подружиться и найти общий язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.